

Иннокентий Маковеев

ДОМБИ

16+

Маковеев Иннокентий

Аомби

«Автор»

2020

Маковеев Иннокентий

Аомби / Маковеев Иннокентий — «Автор», 2020

Мир окутал дурман. Люди заболели и находятся в состоянии опьянения. В городах царит хаос. Работать и производить товары могут только те, кто избежал опасного отравления, уцелел. Поэтому на уцелевших объявлена охота. Шону и его друзьям повезло — они здоровы, их рассудок остался не затуманен. Правда, выбор у Шона и его друзей скромный: или они найдут лекарство для заболевших, или сгинут в их обществе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Маковеев Иннокентий

Аомби

Глава 1

Голубое море искрится в ярких лучах. Бриз овевает прохладой. Девушка в красном купальнике играет в волнах, улыбается мне, манит. Я несу ей «Секс на пляже».

«Дзз, дзз. Дзз, дзз», – неприятный звук проникает в моё сознание, и сон рушится, как песочный замок, нахлынувшей волною. Эх, я почти принёс красотке коктейль. Мне часто снится море. Может потому, что я там никогда не был, может потому, что я там никогда не побываю.

«Кто пришёл в такую рань?! Только не сосед!», – думаю я, пока рука тянется к недопитой бутылке виски. Делаю несколько глотков. Гремучая смесь обжигает всё внутри.

Утренний свет застрял в занавесках, в комнате темно. На цыпочках подбираюсь к двери, смотрю в глазок. На лестничной площадке покачивается высокий, нескладный мужчина 35 лет с тёмными длинными волосами и опухшим красным лицом – мой друг, я зову его Егерем. На нём чистая серая куртка и чёрные брюки без заплат. Это можно назвать хорошей одеждой.

– Кажется, улеглось, – говорит Егерь, зайдя в прихожую. Вид у него болезненный. – Подыскал тебе жилище получше. Собирай вещи.

– Дай вначале проснуться.

– Я принёс тебе машинку для стрижки волос. На человека станешь похож.

– Думаю, не стоит.

– Это нужно для дела.

Выпитое виски ударило в голову. Провести бы пару минут в кислородной маске.

В ванной стригусь под шесть миллиметров. Без насадки сбрываю густую месячную щетину, весь облепленный волосами встаю под душ. Холодная, ржавая вода не делает меня чище, зато бодрит. Трубы в доме давно пора менять. Впрочем, воду скоро отключат во всём районе. Полотенце превратилось в тряпку, но другого нет. Вытершись, я остаюсь влажным. В осколке зеркала не отражается монстр, это плохо.

На кухне закипает чайник. Егерь заглядывает в пустой неисправный холодильник.

– Я на диете, – пытаюсь я шутить.

В городе перебои с поставками продуктов. В первую очередь обеспечивают фронт.

Я открываю скрипучие дверцы кладовки и достаю две банки консервов, на которых не указан срок годности. Вероятно, продукт просрочен.

– Мешки денег, а купить ничего не можем, – досаую я.

– Слышал, товары скоро привезут с юга, – Егерь кивком указывает на спинку соседнего стула. – Кэт тебе вещи передала. Ты навести её.

– Всё собираюсь.

Кэт отыскала для меня джинсы, футболку, свитер. Одежда неновая, но без потёртостей и заштопанных дыр. Ткань пахнет стиральным порошком. Я с удовольствием переодеваюсь в чистое.

Внутри консервов лежит цельный кусок мяса, покрытый говяжьим жиром и пряно пахнущий заливкой. Вкус отличный. Продукт не испортился. Мясо без шкурок и желваков. Вероятно, эти консервы из стратегического запаса. От еды мне становится лучше, голова проясняется.

За 15 минут собираю рюкзак сношенных вещей. Накинув чёрную кожаную куртку, выхожу с Егерем на улицу. Аомби уже начинают выползать из своих обитателей. Я стараюсь

избегать встреч с заболевшими. В контакт с Аомби обычно вступает Егерь. Не мешкая, пересекая дорогу и прыгаю в чёрно-серый автомобиль, на первый взгляд самый обычный, то есть убогий. Кузов покрыт несколькими слоями краски, где-то краска вздулась, где-то отслоилась, где-то стёрлась. Вокруг автомобиля установлен ржавый массивный бампер, на котором образовалось множество вмятин.

Егерь жмёт на газ. Надеюсь, сегодня мы никого не собьём насмерть. Я это просто ненавижу. Весь день потом мурашки по коже, дрожь в теле, и сплю ужасно, а смириться со случайными убийствами, значит, окончательно сойти с ума.

Подвеска автомобиля страдает. Дорога разбомблена артиллерийскими снарядами и разбита гусеницами танков. Здесь на окраинах города когда-то шли бои. Многие дома повреждены, часть полностью сгорела и разрушена.

Артиллерия Северного города до сих пор бьёт по жилым кварталам. Так говорят в проекциях. На самом деле периодические обстрелы дело рук местных властей. Они обманом сплавивают население перед общей угрозой.

Ближе к Центру становится оживлённее. Военные броневики едут на таран. Развалюхи путников жмутся к краю дороги. На тротуарах Аомби получают скудные пайки и едят за грязными столами.

Главная дорога отремонтирована. По обеим её сторонам установлены заградители. Они препятствуют выходу пешеходов на проезжую часть, скрывают нищету соседних улиц, и самое главное, не позволяют автомобилям выезжать на тротуар. Аомби ужасные водители, поэтому ко всем автомобилям приварен защитный бампер. Автомобили регулярно сталкиваются. Если удар несильный, то его никак не учитывают. Случаются и чудовищные автокатастрофы. Для устранения их последствий к ключевым развязкам подогнаны краны. Они убирают груды искорёженного металла.

Солнце поднимается всё выше над горизонтом. Весенние лучи отражаются от тонированных стёкол автомобиля. Я медленно погружаюсь в дрему. Чтобы не заснуть, иногда поддаю газу автомобилю (педали управления расположены напротив обоих передних сидений). Наверное, я бы забылся, но Егерю становится дурно. Он постоянно напивается с Аомби, чтобы выудить у них информацию, поэтому у него проблемы со здоровьем. Егеря начинает знобить, на бордовом лице выступают крупные капли пота. Похоже, его вот-вот вырвет. Я опускаю водительское стекло. Егерь почти перестаёт держать руль, и автомобиль начинает мотать из стороны в сторону. Бампер машины ударяется о заградитель, высекая снопы искр.

– Передай управление, – прошу я.

Егерь устало смотрит на меня, нажимает на переключатель рядом с рулём, и руль плавно перемещается по передней панели ко мне. Я выравниваю курс автомобиля.

Спустя десять минут Егерь указывает мне, где свернуть с главной дороги и припарковаться. Я въезжаю на обочину боковыми колёсами, глушу мотор. Егерь самостоятельно выбирается из автомобиля.

– Ты как? – спрашиваю я. Егерь что-то невнятно бормочет. Ему всё ещё плохо.

Я следую за Егерем в гостиницу Парадайс. За стойкой нас встречает высохший, словно мумия, Аомби лет семидесяти в белой рубашке.

– Оливер, – представляет его Егерь.

Лицо старика расплывается в услужливой улыбке. Похоже, Егерь завербовал этого Аомби.

– Шон, – представляюсь я.

Оливер выкладывает на стойку два ключа и говорит слабым голосом:

– Лифт работает.

Егерь забирает один ключ себе, другой беру я.

Кивнув на прощанье Оливеру, иду к лифту и поднимаюсь на пятый этаж.

Мой номер можно назвать роскошным: две отремонтированные комнаты, обставленные корпусной мебелью, двуспальная кровать, телевизор. Всюду чистота и порядок.

– Я слышал, что власти собираются поймать оставшихся уцелевших, – говорит Егерь.

– Предыдущие их попытки провалились.

– На днях в «Феникс» зашёл Погонщик. Он был расстроен, выпивал. Я подсел к нему и выяснил, что случилось: в торговом центре был пожар, его напарники сгорели заживо, а он чудом спасся, неизвестный офицер вывел его прямо в закрытую часть города.

– Там есть проход?

– Нужно проникнуть в торговый центр и проверить.

– Сегодня? Ты сможешь?

Егерь смотрит на часы.

– Есть время отдохнуть.

Разобрав свой рюкзак, включаю телевизор. На экране сплошные помехи.

Егерь развалился в кресле и, похоже, уснул.

Утреннее виски никак не выветрится из меня, хмельное состояние. Ложусь на кровать, закрываю глаза.

Две кокосовые пальмы, растянут гамак. Зелёная сочная травка переходит в белый песок. По пляжу бежит девушка с распущенными волосами, делает колесо...

– Шон, вставай, – тормошит Егерь. Я выпадаю из гамака. – Нам пора.

Я рывком поднимаюсь с кровати. Мне на мгновение показалось, что я снова в армии. Егерь протягивает бутылку бренди. Запах алкоголя ударяет в нос, действуя как нашатырь. Я прихожу в себя.

– Пей, у нас должно быть опьянение не ниже среднего, – язык Егеря заплетается.

Распив бутылку бренди, мы идём на улицу. Светлая пелена медленно застилает мне глаза. Новое, приятное восприятие мира отнимает чуть больше жизни. Плечусь за Егерем по пыльной дорожке. Навстречу шатаются Аомби. Пахнут они скверно, одеты в рвань, лица грязные. Аомби бросают на нас мутные взгляды.

– В торговом центре мероприятие, – предупреждает Егерь.

– Ты выбрал отличное время, – отвечаю я с сарказмом.

Егерь протягивает мне пропуск.

– Подделка из Лаборатории? – спрашиваю я.

Егерь кивает.

Центр города обнесён высокой стеной. Там живут чиновники, предприниматели, силовики, их семьи. Территория вблизи Центра благоустроена и охраняется. На ней расположен ряд административных зданий, торговый центр, больница.

Мы с Егерем следуем по красной ковровой дорожке за группой Аомби в отличных костюмах. Охранники подозрительно смотрят на нас. Егерь небрежно показывает пропуск. Я делаю тоже самое и скрываюсь за дверью торгового центра.

В вестибюле установлены рамки металлодетекторов. У многих гостей мероприятия есть при себе огнестрельное оружие. Аомби неохотно расстаются с пистолетами, оставляя их в персональных сейфах.

Я был в торговом центре несколько раз, но в этой части впервые. Судя по плакатам сегодня состоится ряд важных встреч с чиновниками из Восточного города и показ новой единой военной формы. Вынести такое важное мероприятие из Центра – очень странное решение. Я бы сильно насторожился, но выпил эликсир безразличия.

Иду за Егерем в зал. Он садится на стул.

– Пошли сразу искать? – предлагаю я. – Пока нам везёт...

– Подожди, будет интересно.

– Зря теряем время.

– Ты не пожалеешь, – Егерь подмигивает.

Я недовольно мотаю головой.

Меня порядочно развезло. Если в таком состоянии за мной погонятся, то далеко не уйду.

Аомби заполняют места в зале. Многие из Центра. Опасная компания.

Заиграла красивая медленная музыка.

– Смотри... – Егерь указывает на белый освещённый подиум. – Открывающая показ девушка – Элизабет Уайт.

– Дочь заведующего лабораторией? А сам он здесь? – Я рефлекторно оглядываю зал.

– Попробуй у неё выяснить.

Я хмыкаю. Не люблю общаться к Аомби.

Коллекция посвящена повседневной одежде. Первой по подиуму идёт стройная белокурая девушка, одетая в полупрозрачное голубое платье – Элизабет. Её движения естественные и одновременно изящные. При этом она немного пошатывается.

Гулявший по залу прожектор вдруг выхватывает меня из полумрака. Элизабет бросает на меня взгляд. Вспышка. Элизабет неожиданно оступается и падает на диванчик рядом с подиумом. Её модное платье задирается. Гости с любопытством изучают мини-трусики, которые Элизабет одела сегодня – белое кружево. Кто-то из Аомби восторженно вздыхает и пускают слюни, кто-то смеётся, кто-то смущается. Фотографы запечатлеют курьёз.

Егерь указывает на молодого Аомби, который бросился помогать Элизабет.

– Его зовут Каен. Говорят, он претендует на высокую должность.

Каен вырывает камеру у фотографа, разбивает в дребезги об пол, затем пугает второго фотографа. Гости никак на это не реагируют.

– Он из Поколения, – говорю я. Догадаться несложно. Лицо Каена имеет врождённые дефекты, уродство. Аомби коренастый, на вид ему чуть больше 20 лет, значит, он один из первых.

Каен помогает Элизабет подняться на подиум. Девушка завершает круг и скрывается за кулисами.

– Иди к Элизабет, – говорит Егерь. – Я поищу вход в Центр.

– Может, я лучше с тобой пойду.

– Возьми, пригодится. – Егерь протягивает герметичный пакет с цветами внутри.

– Пит достал? – спрашиваю я.

– Да, синие розы. Поспешите. Встретимся в вестибюле.

За кулисами Элизабет сидит в кресле перед зеркалом. У девушки нет признаков сильного опьянения: или стабильное протекание болезни, или, что вероятнее, она сделала укол Временного лекарства.

Я надрываю упаковку, достаю из неё маленький букет цветов и протягиваю Элизабет.

– Красиво упала, как падают звёзды и спутники, – говорю я.

– Нам за это доплачивают, – шутит девушка и берёт цветы. Запах синих роз смешивается с её духами, образуя дурман. – Спасибо. Как твоё имя?

– Шон.

– Элизабет. – Девушка смотрит на себя в зеркале с цветами, и уголки её пухлых губ чуть поднимаются. – Ты офицер?

– Был когда-то. Сейчас живу недалеко от Центра.

– Да? Я ни разу не была в городе, только со стены видела почерневшие дома. Как там?

– Постепенно всё восстанавливается, – вру я. – Хочешь посмотреть?

– Мне нельзя покидать Центр. Сюда-то не хотели отпускать.

– Город не опасен. Я мог бы составить тебе компанию.

– Элизабет, подойди, пожалуйста! – зовёт девушку седой кутюрье в белом костюме. Рядом с ним стоит охранник. Оба смотрят на меня недоверчиво.

– Куда я могу тебе написать? – спрашиваю я Элизабет.

– Лучше я тебе.

– В гостиницу «Парадайс».

– Хорошо.

Я выхожу в коридор.

– Стой! – говорит кто-то сзади.

Я оборачиваюсь. Ко мне подходит широкоплечий Аомби в чёрном комбинезоне. Половина его лица закрыта маской. Аомби скрывает уродство. Он из Поколения.

– Как твоё имя? – невнятным голосом интересуется Аомби.

– Шон.

– Хантер, – представляется он. – Мне не важно из какого города ты приехал, хоть из Аполиса. Не приближайся больше к той девушке.

– Чья она?

– Не важно.

Аомби настроен решительно. Я иду дальше.

– Мне уже доложили! – слышу за спиной новый голос. – Это он?!

Внезапно раздаётся оглушительный хлопок. Я рефлекторно приседаю на одно колено и прислоняюсь к стене. Подождав немного, начинаю неуверенно двигаться на крики и вопли.

В вестибюле произошёл страшный взрыв. Аомби живые и мертвые, тела, части тел, лужи крови. Поражающие элементы бомбы застряли в стенах и потолке. Я осматриваю убитых. Егеря среди них нет. Но, если он был в эпицентре взрыва, то тогда от него мало что осталось. Охранники эвакуируют гостей. Все говорят о диверсии. Бомба взорвалась у рамок металлодетекторов. Диверсант понимал, что дальше ему пройти не удастся.

Егерь ждёт снаружи. Спасся.

– Не ранен? – спрашиваю я.

– Нет. Уходим отсюда. Выяснил что-нибудь?

– Нет.

– Вообще ничего?

– Думаю, Элизабет мы больше никогда не увидим.

– А я нашёл, что искал.

Мы возвращаемся в номер гостиницы «Парадайс». На цифровой камере Егерь и показывает мне фотографии подвала торгового центра. На них изображена массивная стальная дверь, расположенная в укромной нише.

– Видеонаблюдения нет? – спрашиваю я.

– Нет. И это только один вероятный вход в Центр. Должны быть другие.

Глава 2

Вечереет. Я иду вдоль антивандальных витрин, всматриваюсь в своё отражение. Кошмар не позволил мне подремать. Питание в гостинице не предусмотрено. Почувствовав голод, я решил прогуляться до супермаркета. Продукты завезли, но кое-что случилось... Егерь был прав... Придётся рискнуть...

Встаю у супермаркета и жду. По тротуару шатается из стороны в сторону Аомби.

– Эй! Поможешь? – подзываю я заболевшего мужчину, делая голос глухим.

– Что там? У тебя есть мелочь? – отвечает Аомби.

– Будет, но сперва помоги купить продуктов.

– Новые правила? Дьявол. Я не помню, что пил сегодня. Сейчас Фред придёт, может он...

Появляется Фред. Аомби справлял нужду за углом. Он еле волочит ноги. Пахнут Аомби отвратительно: алкоголем, мочой, потом и рвотой. Я стараюсь не морщиться. Фред заявляет, что вообще ничего не пил. Голод не тётка. Придётся верить ему.

Захожу с Аомби в супермаркет. Охранник в сером потёртом комбинезоне смотрит на нас с недоверием, опасается, что мы можем что-нибудь своровать. На длинных полках продуктов не очень много. Еда упакована в плотную серебристую обёртку, которую не надорвать и не надкусить. Обёртку можно разрезать, но носить с собой ножи запрещено. Эта мера принята из соображений безопасности. Аомби больны и недоедают. Часто ими движут животные инстинкты. Аомби с лёгкостью могут нарушить закон.

Кроме меня и «моих приятелей» в торговом зале больше никого нет. Нищенские зарплаты Аомби позволяют им редко ходить в магазин. В городе широко распространён бартер. Аомби обмениваются своим старым имуществом и вещами, которые нашли на свалках.

Взяв тележку, нагружаю её крепким алкоголем в пластиковых ёмкостях, консервами в жестяных банках и пакетами с едой. Информация о товаре на этикетках минимальная. Дата производства на половине продуктов отсутствует. Полагаю, в очередной раз привезли просрочку из Центра, всё, что там не продали вовремя. Проверяю, чтобы алкоголь не содержал Афир. Я не хочу стать Аомби.

«Мои приятели» взяли бутылку водки, на закуску консервы с рыбой.

– У тебя есть деньги, заплатишь? – нагледят они. Я ожидал этого, когда с ними связался.

На кассе продавец внимательно смотрит на Фрэда и протягивает ему трубочку от устройства. Как я понял – это алкотестер. Раньше его применяли в других обстоятельствах. Чтобы уцелевшему стать похожим на Аомби, ему нужно выпить алкоголя. Местные власти создали уцелевшим очередные трудности: поставили в супермаркеты алкотестеры и запретили продавцам продавать товары тем, кто выпил спиртное. Уцелевшему ходить трезвым по городу опасно: Аомби интуитивно чувствуют, что твоё состояние отличается от их.

Фред дышит в алкотестер. Результат нам не показывается. Похоже, всё в порядке. Продавец начинает пробивать товары. Я выделяюсь среди своих «приятелей» (хотя и оделся в плохую одежду). На меня странно поглядывают продавец и охранник. Сумма получилась значительная. Мой черёд. Вдруг я понимаю, что допустил ошибку и на секунду пугаюсь. У меня в кошельке одни стодолларовые купюры, абсолютно новые из пачки, пачка из мешка, мешок из военкассатора, который я ограбил месяц назад. Чего я не разменял деньги?! Держа руку в кармане куртки, аккуратно вытаскиваю из кошелька банкноту (надеюсь, что одну), комкаю и передаю смятую бумажку Фреду. Аомби платит.

«Мои приятели» и продавец, вероятно, задались вопросом, откуда у меня взялись такие большие деньги. Меня здесь запомнили, это плохо. Избегая подозрительных взглядов Аомби, складываю покупки в рюкзак, который взял с собой, набрасываю на плечи и выхожу из супермаркета. Сдачу Фред пусть оставит себе.

– Пойдём выпьем, – предлагают на крыльце «мои приятели». Я отказываюсь и ухожу. Аомби – плохая компания.

На улице зажглось тусклое освещение. По тротуарам шатаются Аомби, по дорогам виляют из стороны в сторону машины. Идти следует осторожно. Заградителей нет. Любой автомобиль представляет угрозу и может меня сбить.

Миновав квартал, сворачиваю в проулок. Зря. Незвестный вдруг вылезает из контейнера и хватает меня за рюкзак. «Сейчас он воткнёт в меня острый предмет и утянет во мрак», – проносится мысль в голове. По венам струится адреналин. Я рывком освобождаюсь. Незвестный порезал мне куртку и спрятался в контейнере. Бью в темноту. «Баммм», – раздаётся глухой звук: костяшки встретились с металлической пластиной. Незвестный успел защититься. Сбросив рюкзак на землю, осаждаю «мусорную крепость». Пинаю контейнер, расшатаваю, пытаюсь повалить. Хочется выкурить нападавшего.

– Оставь меня! Уходи! Не надо! – стонет содержимое контейнера. Осознание того, что человек болен и поэтому стал частью мусора, охлаждает мой пыл.

Двигаюсь дальше.

– Внимание! Сегодня в полночь состоится обращение Лидера! Проекция на первых домах каждой улицы! – доносится громкоговорителя с соседней улицы.

Перед прогулкой я угостился у Оливера 150 граммами коньяка. Сейчас я почти протрезвел. Не знаю в каком состоянии лучше идти дальше. Вынув из бокового кармана рюкзака литровую бутылку водки, делаю несколько глотков и морщусь от горького вкуса. Нервы немного успокаиваются. Я снова похож на Аомби.

Выхожу к перекрёстку. Вижу подростка. Куртка болтается на нём, как на вешалке. В руках он несёт матерчатую сумку. Озираясь по сторонам, подросток торопливо пересекает дорогу. Его преследует автомобиль в чёрном дыму – Темник.

Я резко останавливаюсь, понимая, что нужно срочно искать пути к бегству. Подросток испуганно смотрит на меня, замедляет шаг, затем срывается с места. Из крыши Темника тут же поднимается прожектор-шар и ярко вспыхивает.

– Профилактика заболеваний! Всем лечь на землю! – голос из громкоговорителя.

Сев на одно колено, прикрываю слепящий свет рукой и пытаюсь оценить ситуацию: за Темником в «дымовом кармане» шагали два отряда Погонщиков. Один из них устремился в погоню за подростком, второй бросился наперерез. «Если меня тоже задержат? Если есть другие Темники и отряды Погонщиков?» – с этими мыслями я кидаюсь в ближайшую подворотню. Мрак, сырость, пахнет мусором. Запинаюсь о растяжку, на войне мне бы оторвало ногу, а здесь бренчат банки, предупреждая о незваном госте. Хорошо, что в городе запрещено ставить капканы, иначе я был бы сейчас уже покалечен. В будке рядом слышу шорохи. Кто-то пытается зажечь свет. Выбив дверь будки плечом, я наугад ударяю ногой в темноту и попадаю во что-то мягкое и одновременно плотное. Аомби валится на пол, как куча тряпья. Здесь есть кто-то ещё. Второй Аомби замахивается на меня. Я делаю нырок под его руку и, зайдя за спину, толкаю изо всех сил. Ударившись о стену будки, второй Аомби падает, как пугало, рядом с первым. Теперь можно изучить место, в котором я оказался. Пройдя вглубь подворотни, обнаруживаю свалку. Получается, те двое Аомби сторожи. Дальше тупик, я в западе.

Шаги по лужам. Грубые голоса. Неужели меня сейчас поймают? Привычный страх, сгущается в мерзкий ужас. Подобрал на земле горлышко от бутылки, снимаю рюкзак и прячусь. Сложный выбор: окажу сопротивление – расстреляют, сдамся – стану рабом.

Погонщики фонарями рассеивают темноту. Я осторожно наблюдаю за ними через строительный мусор. На головах у Погонщиков шлемы с защитным стеклом, одеты в куртки и брюки из прочного материала, который не проткнёшь ножом. Из широких вырезов в области груди (оружейных карманов) торчат дула пистолет-пулемётов. Оружие закреплено на системе, которая помогает прицеливаться. Отнять пистолет-пулемёт не удастся, перенаправить можно.

Погонщики вытаскивают за шиворот сторожей из будки и ставят на колени.

– Что?! Кто вы такие?! – невнятными голосами возмущаются задержанные Аомби.

– Молчать! – Погонщик берёт их на мушку. – А теперь замрите!

Виазор (уцелевший, который присягнул на верность властям) осматривает задержанных, наставляя на них слепящий луч. Двое других Погонщиков – заболевшие, держатся в стороне. Были случаи, когда Виазоры убивали свой отряд и сбегали. Виазоры обучены отличать уцелевших от Аомби.

– Этот болен, – выносит вердикт Виазор первому задержанному и переводит луч фонаря на второго. – Этот тоже. Их можно отпустить.

Погонщики нарочно медлят с ответом, затем один из них принимает окончательное решение:

– Ладно, убирайтесь отсюда, здесь проводится розыскная операция.

Погонщикам по рации поступают сообщения:

Подозреваемый сел в автомобиль. Пш, пш.

Продолжаем наблюдение у супермаркета. Пш, пш.

Уходит! Уходит! Боевые не применять! Пш, пш.

Взял! Взял его! Парень молод. Пш, пш.

Подростка, которого я видел, поймали. Я могу стать следующим. Похоже, из-за диверсии в торговом центре Погонщики проводят крупную операцию.

– Посмотри нет ли здесь ещё кого-нибудь, – приказывает Погонщик Виазору. – Мы же видели, что кто-то сюда забежал.

Луч фонаря ощупывает свалку. Внутри меня всё сжимается от чувства опасности. Сердце колотится оглушительно. Виазор заглядывает в одно укромное место – пусто. В другое – там я. Я скрестил руки перед собой, в правой руке держу острое горлышко. Виазор не опустил защитное стекло шлема. Одно неверное им движение, я наброшусь на него, воткну розочку в лицо и будь, что будет. Виазор застывает в нерешительности.

– Чисто? – спрашивает Погонщик.

– Да, – отвечает Виазор.

– Тогда идём. Впереди целая ночь погонь.

Луч фонаря Виазора скользит от меня в сторону.

В висках по-прежнему стучит кровь. В подворотне завывает ветер. Долго здесь нельзя оставаться. Погонщики ушли, но могут вернуться с подкреплением. Пора применить армейские навыки, которыми я обучен. Если двигаться, то короткими перебежками, прижимаясь к стенам и заборам. Любой громкий звук, шум, крик – это момент для смены позиции. За 20 минут без приключений я добираюсь до гостиницы. Оливеру протягиваю чекушку коньяка, возвращаю должок.

В комнате номера горит свет. Егерь собрал друзей. С чего бы это? Кэт худая темноволосая девушка с миловидным лицом, встав с кресла, пристально смотрит на меня. Она работает медсестрой в больнице. Я ласково улыбаюсь Кэт. Лео немолодой мужчина с брюшком сидит на диване закутавшись в облако сигаретного дыма. Когда-то он работал актёром и будучи трезвым способен изображать опьянение, играть Аомби. Рядом с ним сидит Пит крепкий молодой человек с взлохмаченными волосами. Он разбирается в технике. Спенсер низкорослый мужчина с высоким лбом и широкопосаженными глазами стоит возле окна. Он учёный в нашей подпольной лаборатории работает над созданием лекарства для Аомби.

Мы обмениваемся последними новостями. Лео говорит, что теперь он будет ходить в супермаркеты. Кэт сердится, когда узнаёт, что я разговаривал с дочерью заведующего городской лабораторией. Ещё Кэт недовольна моей рискованной прогулкой.

– Шон, бери оружие, когда выходишь на улицу, – советует Пит.

– Ты полностью починил автомобиль? – интересуется Егерь у Пита.

– Да.

– Начинается у вас опять! – взрывается Кэт. – Вы грезите захватом чуть-ли не первых лиц! Шона не подставляйте! Его мать у них!

– Ладно тебе, Кэт, – пытаюсь я успокоить девушку.

– Я согласен с Кэт, нужно ещё выждать, – говорит Лео. – Спенсер получил Временное. В технологиях мы догнали лабораторию Центра. Скоро кто-нибудь синтезирует Совершенное, и кошмар закончится, нам не нужно будет прятаться.

Спустя год у нас тоже появилось Временное – лекарство ослабляющее действие болезни. Жителям Временное недоступно, а вот Аомби Центра регулярно делают себе инъекции лекарства.

Неужели скоро законы будут изменены? Может быть, об этом объявит Лидер?

Грянул звук фанфар. Мы вместе выходим на балкон номера. Аомби заполнили улицу, повыглядывали из окон. Кэт отыскивает мою руку и крепко сжимает. У нас лучшие места – машина с проектором остановилась у соседнего дома. На стену дома техник вывел огромное изображение.

– Внимание на проекцию! Всем внимание на проекцию! – зомбирует громкоговоритель.

Камера показывает закрытую часть города (Центр): административные здания, благоустроенные дома, парки и фонтаны. Картинка переносится за стену. Лидер города, освещённый электрическим светом, стоит по стойке смирно на площади перед торговым центром. Его зовут Мёрфи. Он – Аомби. На вид ему 50 лет, у него короткие седые волосы и скуластое лицо. поприветствовав горожан, Мёрфи напряжённым голосом сообщает, что сегодня в торговом центре произошёл взрыв. Точно установлено, что это была диверсия врага. На фронте Северный город перешёл в активное наступление, в связи с чем повсеместно вводится Профилактический режим. Лидер призывает жителей быть терпимыми к комплексу мероприятий и просит приготовить жилища к осмотрам. Несмотря на все трудности он обещает увеличить пайки и зарплаты. Мёрфи убеждён, что после Профилактики общее состояние жителей улучшится. Несмотря на военное время, он объявляет очередные выборы Лидера и выдвигает свою кандидатуру. Докладывает об арестованных уцелевших. Они, не щадя сил, работают на благо города и будут помилованы только в случае получения лекарства. Мёрфи напоминает, что это уцелевшие виновны в трагедии, они сделали всех инвалидами малоспособными к труду, за что заплатят высокую цену. Мёрфи предупреждает, что в городе ещё остались организованные группы уцелевших, которые представляют большую угрозу. Кто их изобличит, тот будет щедро вознаграждён, тому откроются ворота в Центр. Мёрфи гарантирует, что, одержав победу на фронте, власти найдут способ, как всех исцелить.

Вселив в жителей надежду, Мёрфи торжественно завершает речь. Звучит гимн. Музыка заглушает всеобщее ликование и невнятные слова поддержки. Аомби, собравшиеся возле проекций, считают Лидера факелоносцем, который их защищает, который ведёт их сквозь крошечную тьму. Глядя на них, я ищу тех, кто сохранил воспоминание о том, что, действительно, произошло, о том, как мы оказались в опасном и грозном положении.

Мне было пять лет, когда учёные создали уникальное вещество – Афир. Афир разбавили тоником и получили напиток, опьяняющий человека, как алкоголь, за одним важным исключением – во сне Афир стимулировал регенерацию органов и тканей, участвующих в метаболизме, то есть не наносил вреда здоровью. Из организма вещество полностью выводилось вме-

сте с мочой (так ошибочно полагали). Афир считался в прямом смысле этого слова «живым» веществом, так как он не допускал тяжёлой стадии отравления организма.

На основе Афира можно было получить очень конкурентные продукты. Но первая технология получения Афира была сложной и затратной, поэтому продукция с содержанием уникального вещества была размещена лишь в люксовом сегменте. Спустя время технологию упростили, и Афир стал доступен для массового потребителя. Одна из крупнейших международных пищевых компаний занялась продажей новых напитков по всему миру. Афиросодержащую продукцию поставили на одну полку с самыми известными газировками и водами. В странах активно продвигались законы о снижении возраста, с которого можно употреблять Афир. Где-то эту планку удалось снизить до 14 лет. Про чудодейственные свойства Афира слагали легенды – раз вещество после причинения вреда организму способствует его восстановлению, и клетки обновляются, стало быть, человек стареет медленнее. Конечно, всё это было неправдой, рекламным трюком. Позже Афир сделали в виде порошка, чтобы люди его вдыхали. Затем Афир добавили в курительные смеси, чтобы люди наполняли им свои лёгкие.

Случились научно-технические революции, рабочая неделя снизилась до 25 часов, произошло резкое сокращение рабочих мест, у людей появилось много свободного времени, чтобы начать тихо спиваться напитками с Афиром. Алкоголь мало-помалу исчезал с прилавков магазинов. В этот самый момент у Афира проявились побочные действия.

Со временем Афир перестраивал организм человека. Гибель и регенерация клеток начинали происходить циклически. Пока человек находился в сознании, у него поддерживалось состояние опьянения, а во сне его ткани и органы восстанавливались.

Первыми с недугом столкнулись вип-потребители Афира – состоятельные люди, обладающие капиталами, властью, влиянием. В их затуманенных головах созрел план, как преумножить власть и богатство: у стран-конкурентов возникнут большие проблемы, если они не смогут создать лекарство и оградить своё население от отравы. Те люди пришли к выводу, что Афир может оказаться более эффективным средством борьбы за ресурсы, чем обычные наркотики, радикальные религии, терроризм, чем сырьевые, экономические и санкционные войны. Так получилось, что химическое оружие, деформирующее психику человека, продавалось в каждом супермаркете по бросовой цене. Сохраняя тайну об открывшихся неизученных свойствах Афира, те люди рассчитывали причинить соперникам серьёзный ущерб, отбросить их в развитии.

Число заболевших росло. Масштаб бедствия замалчивался ещё и из-за страха богатых стать обманутыми. У них снизилась скорость реакции, ухудшились внимание и память, нарушились координация движений и мышление. В таком состоянии легко потерять абсолютно всё. Населению говорили, что это новые более крепкие напитки, их действие продлится какое-то время. Заболевших людей за неадекватное поведение в обществе начали называть алкогольными зомби, зомби-алкоголиками, алко-зомби, афирными зомби или коротко Аомби.

Заболевших людей перестали оскорблять, когда их стало больше чем здоровых. Сложное оборудование начало выходить из строя. Работать стало некому. Заболевшие не могли качественно справляться с обязанностями. По миру прокатилась череда техногенных катастроф. Множество производств пришлось остановить, что привело к резкому упадку мировой экономики и, как следствие этого, к нищете и голоду. Баланс сил и ядерный паритет в мире пошатнулись. Глобальная сеть интернет обрушилась, когда спутники начали сходить со своих орбит и падать на Землю. Даже мировая интеграция не помогла вывести вновь человека и спутники в космос. Ядерное оружие частично вышло из-под контроля, но в основном было обезврежено и замуровано в шахтах.

Многие государства прекратили своё существование. Анклавы здоровых людей, потеряли сокрушительное поражение, одна их часть была уничтожена, другая порабощена.

Власти новообразованных государств обвинили в случившейся беде тех, кто остался здоров, уцелел. Уцелевшие понесли наказание якобы за то, что были лояльны к власти, которая травила население и сделала людей инвалидами. Новые правители лишили уцелевших ключевых прав и свобод и арестовали. Создание Совершенного лекарства – главное условие их амнистии.

В страхе оказаться пойманным и потерять всё, многие уцелевшие начали употреблять афиросодержащие напитки и превратились в Аомби.

Стабилизировать ситуацию не удалось. В мире царит хаос.

Сейчас уцелевшие производят основные товары, оказывают главные услуги, гибнут от тяжёлого труда. На войне уцелевшие вынуждены помогать Аомби обороняться друг от друга. Заболевшие жители городов занимаются пустым делом, контролируют уцелевших и создают Поколение – новый человеческий вид, который нельзя вылечить.

Для нас – уцелевших очевидно: если срочно ничего не предпринять, через несколько поколений мы – люди вернёмся к первобытному состоянию или просто вымрем.

Я следил за деградацией общества в небольшом городе. Мальчишкой наблюдал, как боксирует отец. Он много пропускал не только на ринге, но и в баре. Отец заболел одним из первых. Я перестал видеть его дома. Затем была первая Профилактика. Власти сформулировали законы в отношении уцелевших людей, принудив их работать по 12 часов в день без выходных. Детей поначалу не трогали, но к 15 годам я столкнулся с выбором, отправиться на фронт или работать на полуразрушенной фабрике, которую вскоре окончательно разбомбили. Безопасно не было нигде. Я угадал с выбором.

После месячного обучения военному делу меня посадили в окоп с пристреленным пулемётом (главные линии обороны состоят из уцелевших, потому что патроны на вес золота). На наши позиции обрушивали артиллерию, затем посылали солдат (Аомби). Крепко удерживая оружие, я нажимал курок, враги падали, будто спотыкаясь, и после не вставали. В 19 лет меня переопределили в разведку, захватывать офицеров, которые из-за болезни потеряли чувство собственной опасности. Они разезжали вдоль линии фронта на бронированных машинах.

На военной базе я познакомился с Кэт. Она, как и я, была здорова, работала медсестрой, помогала врачам выполнять сложные хирургические операции. Её жених Майк был из уцелевших. Он служил вместе со мной в разведывательном отряде. Со второго задания я вернулся на трофейном броневике. В обстрелянной разбитой машине было три смертельно раненных человека: я, Майк и вражеский офицер. Салон был залит кровью, будто мы проехали через реку крови. Мы не были готовы к тому, что офицера будут охранять уцелевшие.

Врачи сумели спасти только меня. Спустя две недели я очнулся в мире, претерпевшем серьёзные изменения, в мире, в котором больше не существовало моего города. Кэт вела трофейный броневик в неизвестном направлении и была так рада, когда я вышел из комы...

Машина с проектором долго сигналист, чтобы проехать сквозь толпу Аомби. Жители не расходятся, будут шуметь до утра. Мы возвращаемся с балкона в комнату. Кэт отпускает мою руку. Лицо девушки залил румянец.

– Вы заметили? – спрашивает Лео.

– Во время речи у Мёрфи шёл пар изо рта, значит, проекция записана два дня назад, когда были заморозки, – говорит Егерь.

Получается, Лидер знал, что в торговом центре готовилась диверсия, но не предотвратил, или вовсе сам причастен ко взрыву. Почему он так сделал?

Пит настраивает телевизор. По единственному каналу в студии Центра обсуждают фронтовые сводки, подробности диверсии и начало Профилактического режима. Высокопоставленный гость – начальник Погонной службы докладывает об успехах новой методики ловли уцелевших. Одновременно во всех супермаркетах города был ужесточён способ продажи товаров.

Покупатели на кассе подвергались тесту «инновационного» устройства и, если проваливали его, то продавец экстренной кнопкой вызывал отряд Погонщиков, который задерживал подозреваемых и доставлял в вытрезвитель. Кто из подозреваемых протрезвеет к утру, тот уцелевший, его ждёт суровое наказание (рабский труд), кто не протрезвеет, того отпустят. Продавцы супермаркетов задействовали экстренную кнопку и в тех случаях, если считали, что покупатель перед ними – уцелевший, имитирующий симптомы болезни. Начальник Погонной службы призывает жителей быть бдительными и сообщать обо всех подозрительно-адекватных личностях.

Дальше следует репортаж из центрального вытрезвителя. Погонщики выводят задержанных из чёрных автомобилей. Я замечаю подростка, которого видел на улице. Он грустно смотрит в камеру держа руки над головой.

Сегодня мне повезло, завтра я тоже могу быть пойман и потерять всё.

Иду в другую комнату, переложить продукты из рюкзака. Чувствую лёгкие шаги за спиной – Кэт.

– Давно свою мать не навещал... и меня... – тихо говорит она, обнимая меня за плечи.

– Прости. Как долго, думаешь, мы продержимся?

– Шон, всё нормально. Мы здоровы и водим их за нос. Переезжай снова ко мне, будет ещё лучше. Тебе очень идёт эта стрижка, как в армии, и густой щетины нет. Тебя теперь даже целовать можно. – Кэт поворачивает меня к себе и пламенно целует. Я чувствую, как в моих руках дрожит её тонкое тело.

– Не связывайся с дочкой Уайта... Шон... не рискуй... не надо... пожалуйста... – с тревогой просит Кэт. Она всегда так волнуется, а я всегда делаю глупости.

– Мы уходим, – бросает Егерь. Похоже, он наблюдал за нами.

Я закрываю за друзьями дверь. Кэт осталась.

– Сходи завтра в лабораторию, посмотри на Временное, убедись, что всё не так плохо, – улыбается Кэт, когда я веду её в спальню.

Девушка жадно целует меня в губы и увлекает за собой на кровать. Я начинаю раздевать Кэт. Она цепляется руками, мешая мне, хотя хочет помочь.

Ночью просыпаюсь, слышу, как Кэт тихо плачет. Вспомнила гибель Майка или из-за меня? Если я шевельнусь или как-то не так вздохну, то Кэт поймёт, что я не сплю, и разрыдается. Она сильная, не хочет, чтобы её видели такой, никто не хочет. Я думаю о том, чтобы не думать, и быстро погружаюсь обратно в сон.

Глава 3

Потягиваюсь, открываю глаза. Кэт ушла на работу и не разбудила. Она зашила мой порез на куртке. При встрече поблагодарю её.

Вода в душе льётся прозрачная, это потому, что гостиница расположена вблизи Центра.

Ем тушёнку с рисом из пакетика, пью 150 граммов виски и спускаюсь на улицу. Прогуляюсь до нашей подпольной лаборатории. Любопытно взглянуть на Временное.

Нам с Кэт было непросто прижиться в новом городе. При общении с Аомби мы совершали ошибки. Нас подозревали в том, что мы здоровы, даже преследовали. Мы бы пропали, если бы не встретили Егеря. Он помог нам адаптироваться к новым условиям существования.

Мимо плетутся хмурые прохожие. Мальчик продаёт старые вещи. Я отсыпая ему мелочь и беру календарь, которому почти 30 лет. Жаль изображение лагуны на календаре немного выцвело.

Центр каждую неделю вывозит свой мусор на свалки города. Тысячи Аомби распространяют барахло, которое нашли на свалках, это их единственный хлеб.

На улице протест. Местные власти установили алкотестеры во всех вагончиках, которые выдают еду рабочим. Аомби, выпившие спозаранку спиртного, не получили утренний паёк и рассердились.

Есть уцелевшие, которые тайно работают вместе с Аомби, чтобы получать талоны на еду. Акция властей была направлена против них, но привела к всеобщему недовольству.

– Я с детства болен!

– Всё время здесь получаю!

– Можно быстрее!

– Выдавайте!

Возмущаясь, многие Аомби ругаются, возможно, в толпе есть и уцелевшие. Крепыш в рваном пальто не выдерживает и со злостью бьёт кулаком по вагончику, оставляя вмятину. Другие Аомби начинают расшатывать вагончик, пытаются перевернуть. Атакованная машина резко берёт с места, давя толпу.

Когда издали доносится вопящий звук сирены Темников, заболевшие бегут кто-куда. Мне тоже пора уносить ноги. Погонщики могут задержать.

Пробегаю две улицы. Агитатор пытается меня остановить, протягивает мне листовку и зовёт на фронт. Властям требуется много пушечного мяса. Сейчас отдаётся предпочтение Поколению. Бойцам обещают достойное жалование, при возвращении с войны хорошую пенсию и проживание в Центре. Жители не знают, что из-за неверных приказов командования создаются «котлы», в которых солдаты гибнут сотнями.

На первых этажах домов открылись мелкие лавки, в которых продают самогон низкого качества и напитки с Афиром, произведённые по кустарной технологии.

Из тени подворотни меня зомбирует голос:

– Лекарство, оно поможет. Подойди.

Аомби называют себя Наркологами. Егерь периодически скупает у них пузырьки с «лекарством». Спенсер в лаборатории изучает эти «лекарства». Ими оказываются наркотики или мутная вода. В лучшем случае «лекарства» никак не повлияют на организм, в худшем, разрушат центральную нервную систему. К сожалению, многие Аомби верят в чудо и покупают эту дрянь. Вот почему на улицах города слышатся безумные крики.

За полчаса я добираюсь до промзоны. Северный город разбомбил эту территорию в самом начале войны. Власти перевезли станки, машины, двигатели в лес и там под толщей земли создали защищённые от артиллерии производства для уцелевших. Мы вычислили это

место. Вокруг высокий сетчатый забор под напряжением, патрули с собаками, мины-ловушки. Без роты солдат туда не пробиться.

В километре от промзоны расположен палаточный городок, своего рода приют. Зелёный флаг развивается над казармами, шатрами и палатками. Аомби в комбинезонах готовят почву к посевной. Джемисон основал городок с целью приобщить Аомби к труду. Ещё он пытается менять технологии и делать их доступными для заболевших. Если Аомби сумеют самостоятельно производить всё необходимое и жить в достатке, то уцелевших можно будет освободить. Жаль Джемисон один из немногих, кто работает в этом направлении. В городок приходят уцелевшие и просят помощи. Но Джемисон передаёт их Центру, за что получает от властей поддержку и снабжение. Однако часть уцелевших он тайно оставляет себе, чтобы проводить исследования. Спенсер некоторое время работал в городке, но принял решение сбежать. Центр подозревает Джемисона, что он ведёт двойную игру, и следит за деятельностью городка при помощи шпионов.

Петлюю между бетонными развалинами. В одной из стен образовалась воронка от прямого попадания снаряда. Свет проникает внутрь всего на пару метров. Я залезаю в воронку, иду на ощупь вдоль перекрытия, спускаюсь по лестнице вниз к бронированной двери. Постучав, жду. Открывает Спенсер.

– Я доедаю завтрак, – говорит он. – Можешь пока посидеть за компьютером.

Площадь подпольной лаборатории 100 квадратных метров. Помещения заставлены столами, старым оборудованием, микроскопами, специальной посудой и компьютерами.

Я снимаю с держателя маску, подсоединённую к кислородному баллону, подышав в неё, быстро трезвею.

В углу соседней комнаты небрежно свалены мешки с деньгами. Я беру новенькую зелёную пачку, недолго держу. Приятное ощущение. На стене рядом со своим рабочим местом вешу календарь, купленный у мальчика на улице. Буду иногда любоваться красочным видом лагуны. Не хочется тратить время на компьютерную игру, лучше загляну к нашим «гостям».

Егерь привёл с улиц двух Аомби. Они добровольно согласились помогать с надеждой вылечиться, но жизнь в изолированной комнатке и проводимые над ними небольшие опыты, заставили их пересмотреть своё решение. Обратного пути не было. Аомби пытались бежать, обещали, что ничего никому не расскажут, успокаивались, начинали вести себя примерно.

За ширмами операционные столы пусты. Аомби в камере. Иду туда. Странно, только один Эван долговязый мужчина лет 40 сидит на стуле за противоударным стеклом.

– А где Ларри? – спрашиваю я.

Эван молчит и грустно смотрит на меня пустыми глазами. Тоскует по воле. Мы дали ему плохой ноутбук, в котором он иногда играет в карты.

– Отпустили Ларри? – вернувшись из камеры, спрашиваю я Спенсера. Он потирает руки, не зная, что ответить. Я смотрю по сторонам и нахожу Ларри, вернее то, что от него осталось – на полке урну с прахом, в витринном холодильнике пакеты с кровью. Я рефлекторно закрываю глаза рукой, чтобы не видеть этого кошмара.

– Я поставил капельницу с Временным, его организм не выдержал. – поясняет Спенсер, пожимая плечами.

– Ты знал, что так будет! – Я кидаюсь на него. – Мы же не убийцы!

– Ты же знаешь, что Аомби творят с уцелевшими?! – Спенсер ожесточённо сопротивляется.

– Мне плевать!

– Шон, послушай!.. – Егерь с трудом разнимает нас со Спенсером. Я не заметил, как он пришёл. – Послушай!.. Не получим лекарство, все труды насмарку, нам конец.

Я смотрю на Спенсера и Егеря, как на преступников, а они делают вид, будто ничего не произошло.

- Если мы будем поступать, как Аомби, то нам точно конец, – говорю я.
- Посмотри его анализ крови. – Егерь жестом руки приглашает меня к медицинскому столу. Я беру со стола распечатку и изучаю её. Что же убило Ларри?
- Аллергическая реакция? – быстро заключаю я. Иммуноглобулин высокий.
- Спенсер объясняет мне:
 - Если Временное длительно вводить в организм, то Афир перестраивает иммунную систему, и лекарство воспринимается, как аллерген. Это защитная реакция Афира. То есть, большая дозировка Временного вызывает анафилактический шок, который развивается стремительно и приводит к смерти.
 - Я замечаю, как Егерь слегка кивает Спенсеру, чтобы тот ушёл.
 - Знаю, Кэт против того, чтобы ты виделся с Элизабет, – говорит Егерь, когда мы остаёмся наедине. – Но ты же понимаешь насколько это может быть важно, особенно сейчас.
 - Она всё равно не напишет.
 - А если напишет? Если уже написала?
- Я вздыхаю.
- Что в письме?
- Егерь протягивает бумажку, в которой Элизабет в двух предложениях просит забрать её с траурного мероприятия, посвящённого жертвам вчерашней диверсии.
- Шон, соглашайся.
- Как будто у меня есть выбор? Мы близко подобралась к лаборатории Центра.
- В камере освободилось место. Может быть, она его займёт? – намекает Егерь.
- Думаешь, девушка выдаст нам своего отца, или он захочет с ней поменяться? Только всех на уши поставим. Мне придётся бежать из города.
- Действуй по ситуации.
- Я скептически отношусь к плану, но нужно попробовать, ничего другого не остаётся.
- Через запасной выход иду в гараж проведать Пита.
- Я нашёл оружие, которое тебе понравится. – Узнав меня по ботинкам, он выкатывается из-под автомобиля, который постоянно ремонтирует и тюнингует.
- Ножи и молотки можешь не предлагать.
- Это лучше. – Пит идёт к столу и вынимает из ящика чёрные перчатки, подобные тем, что используют бойцы смешанных единоборств. – У этих перчаток вместо вкладыша пены вещество, способное твердеть.
- Я надеваю перчатки. Пит подсказывает, как изменять структуру вещества. В углу гаража установлен металлический щит. Я луплю по нему, оставляя глубокие вмятины.
- Или лучше возьми пистолет? – спрашивает Пит.
- А если задержат? Тогда вообще никакого шанса спастись не будет.
- Угостившись у Пита алкоголем, возвращаюсь в гостиницу.
- Приняв в номере душ, я ненадолго становлюсь свежим и светлым, пока не выпиваю стандартные «маскировочные» 150 граммов виски. В очередной раз опьянев, отправляюсь на дело.
- Темнеет. Я иду по дорожке вдоль высокой стены Центра. Вмонтированные в брусчатку прожектора подсвечивают монументальный фасад стены. Я замечаю десятки скрытых пулёмётных гнёзд.
- Встречаю патруль.
- Куда?! – спрашивает Аомби в камуфляже с автоматом на перевес.
- Я вчера был в торговом центре, иду почтить память погибших. – Я протягиваю ему поддельный пропуск, которым пользовался накануне. Патрульный смотрит пропуск. Похоже, текст в его глазах расплывается, и он не может разобрать, что там написано.
- Хорошо, – вздыхает патрульный и возвращает пропуск.

Перед торговым центром образовано живое кольцо из охраны, туда не пробиться. Решаю подождать. Вероятно, место взрыва посетит сам Лидер. Сквозь охранников наблюдаю, как ряд высокопоставленных чиновников и военных возлагают цветы к входу торгового центра, возле которого появился символический мемориал. Замечаю девушку в пальто с капюшоном. Она кладёт синие розы к символическому мемориалу, затем подходит охранникам из отцепления, что-то говорит, и они её пропускают.

Не теряя времени, спешу к девушке.

– Поужинаем где-нибудь в городе? – улыбается Элизабет и берёт меня под руку. – Я посмотрю, как там всё отстраивается.

– Там сервис хуже, чем здесь.

Идти нам в полуразрушенный город полный одичалых Аомби чрезвычайно опасная затея. Я оделся, как вчера, в чистую одежду. Элизабет одета в модное пальто и вкусно пахнет. К нам точно пристанут.

Отойдя от торгового центра, оглядываюсь назад, вдруг кто-нибудь следит за Элизабет. Выделяется один Аомби. Он нервно расталкивает на своём пути охранников, чиновников и военных – Каен, тот молодой из Поколения. Он опоздал на мероприятие и, вдобавок, явился не в мундире, а в чёрной форме спецотряда. Элизабет оборачивается и тоже обращает на него внимание. Она как-то слишком сильно сжимает мою руку и крепко обнимает меня, словно хочет врасти в моё плечо. Постепенно Элизабет ослабляет объятие. Девушка почти не шатаётся, приняла Временное.

Становится прохладно. Я иду с Элизабет мимо угрюмых Аомби, которые прожили ещё один день совершенно напрасно.

– Мелочь, дайте мелочь, пожалуйста, – пристают нищие Аомби.

– Четвертака не хватает, выручите?

– Я не могу работать... Посмотрите на мои руки... Они трясутся... Я не владею ими. – Руки у старика атрофированные и потерявшие естественный вид.

Часто у пожилых Аомби болезнь начинает протекать нестабильно. Афир перестаёт восстанавливать органы, ткани, клетки отделов головного мозга, что приводит к серьёзным проблемам со здоровьем. Аомби теряют память, перестают ходить, лишаются речи.

Аомби вокруг измождены. Они понимают, что неспособны схватить нас с Элизабет и ограбить. Мы скрываемся от них в ресторане «Феникс». Охраннику-громиле нужно показать, что у тебя есть деньги, иначе не пустит. Сюда часто заезжают путники, но сегодня почти никого нет. Наверное, путники услышали о Профилактике и сторонятся города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.